Волжская коммуна
г. Куйбышев
17 ИЮЛ 1954

ГЛУБОКИЕ МЫСЛИ, СИЛЬНЫЕ ЧУВСТВА

О СПЕКТАКЛЯХ ТЕАТРА имени ЕВГ. ВАХТАНГОВА В КУЙБЫШЕВЕ

Первым спектаклем, который показали нам московские гости, была драма молодого советского драматурга С. Алешина «Одна» (последняя работа театра). Сюжет ее как будто очень прост. Крупный инженер Платонов оставляет жену и дочь-школьницу и уходит к жене своего сослуживца Нефедова—Варе, молодой очаровательной женщине, разрушая этим шагом две семьи. Это решение Платонова не легкое. Оно куплено большими сомнениями и душевными муками.

Женя Платонова, Мария Михайловна, остается одна. Но в пьесе это не единственная женщина, которая остается одинокой. Автор показывает нам Маргариту, тоже одинокую после трех неудачных замужеств, и соседку Платоновых—Лиду, простую женщину, брошенную мужем. Но если Маргарита живет чувством грустной иронии к своей женской судьбе, в Лиде, «чтобы не обидно было», пьет и «гуляет с кавалерами», то Мария Платонова находит закономерный и прекрасный путь освобождения от горя в работе (она учительница), в полнокровном восприятии и возвращении к жизни, кипящей вокруг нее. Ведь жизнь—это радость,— говорит она в заключительном монологе. И чтобы мне эту жизнь кто-то испортил! Не дам, не позволю. Все дни мои! Всё! И кончено.

Пьеса имеет очень ценное качество — она не дидактична. Палец драматурга не указывает нам, кого на действующих лиц нужно любить, а кого ненавидеть. Автор предоставляет зрителю самому разобраться в этом клубке чувств, мыслей и человеческих судеб. В его почерке есть искренность и деликатность.

Кроме небольшого эпизода — появления в последнем акте шантажиста и мещанина Игнатюка, — в пьесе нет ни одного отрицательного персонажа, но вместе с тем в ней нет и тени пресловутой бесконфликтности. Люди сталкиваются, борются друг с другом, борются и с самими собой. Это тяжело и больно по-настоящему.

По форме пьеса эскизна и напоминает киносценарий. В ней большое количество картин (13), часто очень коротких и не имеющих концевых точек. В силу этого ставить и играть пьесу не легко. Нам кажется, что режиссер (заслуженная артистка РСФСР А. М. Ремизова) и артисты сделали очень много, чтобы спектакль впечатлял и волновал зрителя. Все играют в четкой, простой и благородной манере. Мы видели горестное без мелодрамы и смешное без комикования. Оформление народного артиста РСФСР Н. П. Акимова—в полном единении с интимно-психологическим приемом драматурга и режиссера. Оно так же эскизно, как пьеса, предельно легко и лаконично. Мы слышали в антракте суждения о том, что оформление клубное. Какое заблуждение! Какое досадное непонимание тонкой и искусной работы большого художника!

Переходя к актерскому исполнению, прежде всего хочется очень много, гораздо больше, чем позволяют рамки газетной статьи, говорить и писать о старом хирурге (заслуженный деятель искусств РСФСР Н. С. Плотников) и о его дочери (Ю. К. Борисова).

Нельзя не восхищаться правдивым мастерством, с которым Плотников играет эту бесконечно милую, драгоценную душевную ясность старого врача-гуманиста. Всем, кто его видел, он надолго запомнится стоящим в раздумье, с неподвижным взглядом маленьких, круглых стариковских глаз, как бы потерявшим от дряхлости нить мыслей. Но в эту минуту он думает, страдает, принимает важные решения.

С большим обаянием, свежестью и своеобразием играет Варю Ю. К. Борисова. Любовь этой молоденькой женщины, почти девочки, огромна. Это любовь до боли, до слез, «до березки», по выражению А. Н. Толстого, т. е. до той березки, которая растет на могильном холме. Говорят, что актеры бывают адвокатами и обвинителями тех, кого они играют. Конечно, Ю. Борисова энергичный и талантливый адвокат Вари. Если бы не эти качества актрисы, Варя легко могла бы сделаться «злой разлучницей», и спектакль бы дал крен в мелодраму.

В центральной мужской роли Платонова большой мастер советского театра народный артист РСФСР А. Л. Абрикосов выбрал трудный, но верный путь — путь закрытых душевных бурь. Мы понимали, что чувство Платонова к Варе — сложное, тяжелое, что оно очень глубоко запрятано в его сердце, но мы все же ждали, когда огонь этого чувства где-то прорвется. Мы ждали этого особенно после новогоднего телефонного звонка, где актриса Борисова дала нам понять, что и как говорил Варе по телефону Сергей. Но мы увидели его и дальше таким же внешне спокойным, еще более опустошенным. Мы поняли и тут талантливого артиста и его Платонова — жизнь его стала унылой, бесперспективной, в «великие страдания — немы», как говорит итальянская пословица. Но в минуту трепетной неожиданной встречи в поле, после болезни и разлуки в ту минуту, когда решалась их судьба, мы хотели бы, и в праве были хотеть, ощутить — в чем угодно: в блеске глаз, в тембре голоса, в ритме этих двух-трех фраз, — как лихорадочно в эти минуты билось сердце этого сорокалетнего мужчины.

Много удовольствия доставили нам покинутые: и муж Вари и жена Сергея (Л. А. Пашкова и В. И. Осенев), конечно, не тем, что их покинули, а тем, как они воспринимали эти потери. Очень тонко играет Осенев сцену прихода к Платоновой с известием о семейной катастрофе их обоих. Находясь все время на грани комедии, но нигде не переходя ее, он обыгрывает нам в этой сцене, почему он для Вари «не тот поезд».

С настоящей внутренней силой проводит Пашкова две последние картины— и ту, где жизнь оборвалась, и ту, где жизнь вернулась.

С большим богатством и изобретательностью комедийных красок играет эпизодическую роль Маргариты, тоскующей неудачливой жены, народная артистка РСФСР Ц. Л. Мансурова, одна из зачинателей театра, прошедшая весь его путь — от маленькой студии 1913 года до наших дней.

С должным художественным тактом играет Е. М. Коровина третью «одну»—Лиду—роль, в которой очень легко скатиться к дешевой обрисовке образа «беспутной бабенки».

Очень хорошо показала себя в спектакле молодежь—В. Васильева (Нина), В. Дугин (Краскушкин) и М. Жарковский, ярко подающий Игнатюка, стоит «джентльмена» в кашне и в красных полуботинках.

В целом мы видели прекрасный спектакль на материале интересной новой советской пьесы.

Нет нужды рассказывать о сюжете пьесы Гоу и д'Юссо «Глубокие корни», т. к. большинство куйбышевских зрителей знает ее по спектаклю нашего драмтеатра, поставленному в 1947 году и прошедшему очень много раз.

Пьеса последовательно и искусно показывает глубокие корни расизма и человеконенавистничества богатых, аристократических кругов Америки. Спектакль, который мы увидели, (режиссер А. М. Габович), добротный, но многих чудесных качеств спектакля «Одна»—своеобразия, непосредственности и единства стиля актерской игры в нем нет. Это понятно. Спектакль за десять лет прошел огромное количество раз, и выразительные средства некоторых актеров, играющих с первого спектакля, несколько потускнели, а новые исполнители, вошедшие в него с небольшого количества репетиций, не всегда способствуют укреплению и освежению старого спектакля. Так, способная молодая актриса Коптева, исполняющая роль Нэви (в середе с заслуженной артисткой РСФСР Л. В. Целиковской), играет на той выше всех остальных исполнителей от начала до конца.

Но и в этом спектакле есть превосходные актерские удачи. Прежде всего, это — заслуженная артистка РСФСР М. Д. Синельникова, необычайно проникновенно играющая старую негритянку Беллу, ее слепую веру в справедливость и незыблемость земных порядков, установленных богом, ее бунт и крушение этой веры в последнем акте.

Рядом с черной Беллой в борьбе за Бретта стоит двое белых. Это— Нэви (Л. В. Целиковская) и Гоуард (В. А. Этуш). От пятнистой шутки, легкой остроты до обличительного пафоса большой силы очень жизненно и с драматическим нарастанием проходят они свой сценический путь в спектакле. С тонкими нюансами доносит до нас Целиковская нежное и жертвенное чувство Нэви к Бретту.

Третьим спектаклем, показанным вахтанговцами, была драма Г. Гауптмана «Перед заходом солнца». Написанная в 1932 году, за год до прихода к власти гитлеровцев, она рисует с беспощадным реализмом не только могучий мятеж большого и свободолюбивого человека—тайного советника Маттиаса Клаузена против пошлости и буржуазно-хищнических устремлений его семьи, не только борьбу за личное счастье, озаряющее его на старости лет в лице любящей, юной и чистой Инкен, но и обостренные бедствия Европы 30-х годов — надвигающиеся силы фашизма, олицетворенные в пьесе затем Клаузена, Эрихом Клямрот.

Боясь потерять наследство из-за романа отца с Инкен и возбудив дело о его невменяемости, дети, под предводительством Клямрота, добились наложения над отцом опеки. Клаузен побежден, сломана вера в людей, вера в существование в мире «вечного блага» — вот что поверяет в прах этого коммерсанта-идеалиста, этого Лира 20-го века.

Пьеса «Перед заходом солнца», что называется, пьеса-роль, ее успех всецело определяется исполнением главной роли. Это сугубо верно и по отношению к спектаклю, который мы видели. В актерском окружении Клаузена далеко не все удачно. «Выразиное» декоративное оформление, а также мало удачное музыкальное механическое оформление (магнитофон) также не способствуют высокой ансамблевости спектакля.

Но вдохновенное, неповторимое исполнение Клаузена народным артистом СССР М. Ф. Астанговым заставляет многое забывать и только восхищаться искусством этого замечательного актера. Именно он и его два основных партнера—Л. В. Целиковская (Инкен) и заслуженный артист РСФСР Л. М. Шихматов (Клямрот) помогают спектаклю выйти за рамки семейного конфликта и личной драмы тайного советника и превращают его в большое социально-художественное обобщение—восстание Клаузена против общества, в котором он живет, и столкновение его с законами и жизненными порядками, в безупречность которых он верил. Мы всей душой были с Клаузеном, когда видели, как смело и открыто идет он на разрыв со своими ничтожными и пошлыми детьми, невесткой и зятем, пытаясь их с семейного завтрака, когда он, совершенно помолодевший, был счастлив по возвращении из Швейцарии. Но вот Рафельда приносит ему из суда бумагу об опеке. Клаузен столкнулся с государственным аппаратом капитализма и этот аппарат перемолол его мозг. Здесь искусство и темперамент Астангова достигают своей кульминации, когда в великом гневе он режет ножом портрет жены, мы чувствуем, что он режет по собственному сердцу. В его громовом, трескучем «ура» внутри торжествующая ирония смерти — его смерти. Всего за несколько минут до принятия яда он еще велик и непоколебим, на предложения пастора Имоса переехать к нему в церковный дом он тихо, с усмешкой отвечает: «Нет, у вашего колокола слишком длинный язык». И вот он полулежит в кресле, мертвый, убивший себя, но не согласившийся ни на какие компромиссы — борец за человека, за человеческую свободу.

Роль Клаузена играет еще и артист С. А. Седой. Этот опытный, культурный актер в своей работе очень точно идет по стопам Астангова и достаточно искусно передает верную форму образа. Но того душевного огня, того высокого артистизма, которым восхищал нас Астангов, нет в исполнении Седого.

Л. В. Целиковская еще раз пленила нас тонкой и поэтической передачей большого чувства Инкен. Нам только кажется, что внешний облик актрисы не всегда помогает цельности образа, простой девушке на народа. Мы говорим о стриженой голове и о некоторых платьях, как будто только что снятых с дочери сенатора из «Глубоких корней».

Эрих Клямрот (заслуженный артист РСФСР Л. М. Шихматов) предстает перед нами во всей омерзительности оголтелого фашизма, которая проявляется не только в его наглых репликах («Кто будет жрать за этим прибором»), но и в его застольной речи и последующем слепом поединке с Клаузеном, полном угроз. Разве в его без конца повторяемой фразе «Стрелку часов вам не повернуть назад» не слышна грядущая поступь «рыцарей нового порядка»? Нельзя не ненавидеть этого неотесанного ломового извозчика в смокинге и цилиндре.

Спектакль «Перед заходом солнца» имел, пожалуй, наиболее шумный, горячий прием у зрителей. Этим он обязан таланту большого немецкого драматурга Г. Гауптмана и дарованию блестящего советского актера М. Астангова.

Последней премьерой театр показал пьесу Е. Лутовского «Необыкновенное дежурство». Несмотря на очень важную и острую тему, затронутую автором, — тему политического доверия к людям, и пьеса и спектакль оказались малозначительными и даже несколько разочаровали зрителей, успевших полюбить театр.

Как мы видим, не все, показанное нам, художественно равноценно. Ну что ж, это есть в каждом театре, это закономерно и по отношению к театру имени Евг. Вахтангова, долголетний творческий путь которого был всегда путем стремительным, беспокойным и часто противоречивым. Ни один из ведущих театров страны не имел такой резкой кривой побед и поражений идейно-художественных и стилевых контрастов.

Сегодня мы прощаемся с вахтанговцами. Многое, очень многое в их спектаклях было глубоко по содержанию и прекрасно по форме. Многое вызывало у нас свежие, интересные мысли, хорошие душевные волнения.

Мы радовались и грустили, любили и ненавидели. Эти чувства были сильными и искренними.

Спасибо вам за них, дорогие гости!

Г. ШЕБУЕВ,
Заслуженный артист РСФСР.